

Я не должен быть в таком положении. Я не должен лежать на земле, пока нога Бэтмена на моей спине удерживает меня, а лужа крови Джокера все еще растет в нескольких дюймах от моего лица. Я сопротивляюсь, пытаюсь отодвинуться от крови, но нога Бэтмена только сильнее давит на меня.

Прямо сейчас я должен стоять над телом Бэтмена, пока он истекает кровью. Все было бы так, если бы мой нож задел его на несколько дюймов ниже. Если бы я просто ударил его в плечо, где в броне есть щель, позволяющая руке двигаться, я бы рассек подключичную вену. Бэтмен упал бы в считанные секунды.

Сейчас я чувствую только ярость. Я должен признать, что это немного неуместно. Формально закон на стороне Бэтмена. Большинство людей, вероятно, согласятся, что мораль тоже на его стороне. Но я не признаю, что он прав.

Во-первых, Бэтмен может считать себя выше убийства, но привести меня в полицию – это не что иное, как убить меня. Независимо от того, посадят ли меня в тюрьму и будут ли судить в Готэме или потащат обратно в Майами, меня казнят, как только признают виновным. Гаррисон останется сиротой. Карьера Деб будет закончена; даже если никто никогда не узнает, что она знала, кто я такой, все будут сомневаться в ее способностях, и она быстро будет вынуждена уйти в отставку из-за недостатка уверенности.

И что толку меня останавливать? Спасение жизни Джокера? Я бы остановил его навсегда, и кто бы по нему грустил кроме Харли? Половина Готэма веселилась бы на улицах, если бы узнала, что он исчез. А теперь это только вопрос времени, когда еще один репортаж в новостях подробно расскажет, скольких он убил во время своего последнего взрыва, или ограбления банка, или что бы там ни случиться дальше.

И, несмотря на все это, Бэтмен стоит надо мной, чувствуя себя вправе остановить меня. Ярость кажется подходящей реакцией.

Это и отвращение к крови, которая продолжает растекаться по мне. Я снова пытаюсь отодвинуться от него, но не могу пошевелиться. Я уже собираюсь начать метаться, пытаюсь убежать, когда голос Бэтмена отвлекает меня от источника моего дискомфорта.

- Все эти усилия без всякой причины, - бормочет он достаточно громко, чтобы я услышала.

Это заявление превращает всю мою ярость в раздражение. Я всегда чувствую подобное на каждом месте преступления. Человек, говорящий это, хочет думать, что за этим нет никакой причины. Тогда им придется понять.

Бэтмен тратит свое время на отслеживание преступников и все же не может даже потрудиться сделать усилие, чтобы понять их.

- Всегда есть причина, - парирую я.

- Сомневаюсь в этом.

- Тогда ты идиот, - говорю я ему, не сводя глаз с крови, все еще ползущей ко мне, которая, по крайней мере, милосердно замедлилась. Сердце Джокера, должно быть, немного замедлилось. Бэтмен давит на меня сильнее.

- С тобой не могло случиться ничего такого, что могло бы оправдать это, - рычит он.

- Я этого не говорил, я сказал, что есть причина. Не то чтобы тебя это интересовало.

Бэтмэн замолкает, услышав мое обвинение в безразличии.

- Попробуй, - говорит он.

Я колеблюсь. Я не уверен, что хочу сказать Бэтмену что-то настолько личное. С другой стороны, если он потащит меня в тюрьму, все равно все узнают, даже те, кого я никогда не встречал. Кроме того, поскольку кровоток Джокера замедлился, нескольких минут разговора с Бэтменом могло быть достаточно, чтобы убить его, и ему нельзя было позволить уйти от этого.

- Мою мать убили у меня на глазах, - признаюсь я.

Удивительно, но тяжесть на моей спине исчезает. Я вскакиваю на ноги, торопясь убраться подальше от крови, прежде чем поворачиваюсь к Бэтмену с вопросом. Он выглядит таким же растерянным, как и я. Я не уверен, что даже он знает, почему позволил мне встать.

- Что ты сказал? - спрашивает он.

- Я такой, потому что мою мать убили у меня на глазах, - пожимаю я плечами.

- Мне было три года. Там была замешана бензопила, - уточняю я.

Бэтмэн уставился на меня, на мгновение потеряв дар речи.

- И ты думаешь, это оправдывает тебя? - я зашипел, как только до меня дошел ответ Моргана.

- Нет, - признается Морган, - но именно поэтому я должен это сделать.

Я знаю, что большинство преступников, которых я преследую, также были глубоко затронуты прошлыми травмами. Я знаю, что наблюдение за смертью моих родителей изменило меня. Но я действительно не ожидала, что Морган даст мне такой знакомый ответ.

Но не только его травма кажется мне знакомой. Это также его бесцеремонное объяснение того, что ему нужно это сделать. Я понимаю это лучше, чем хотел бы признать. Ночь за ночью мне нужно выйти и все исправить, попытаться как-то исправить свое прошлое, прекратив новые зверства сейчас.

Я даже должен признать, что иногда невероятно приятно причинить небольшую случайную боль тем, кто этого заслуживает в погоне за справедливостью.

Я смотрю на Бэтмена, все еще озадаченный. Я ожидала, что мой ответ будет удивительным, но не настолько шокирующим, чтобы он допустил такую ошибку, как позволить мне встать. Думаю, это не такая уж большая ошибка, учитывая, что он стоит между мной и моими ножами, и даже с раной прямо под его плечом я не могу сравниться с Бэтменом безоружным.

И все же, даже если у меня не будет другого шанса убить Бэтмена, может быть, это даст мне шанс отговорить его от ареста. Его принципы кажутся довольно абсолютными, но упоминание об убийстве моей матери, похоже, задело его за живое. Даже сейчас Бэтмэн потерял свою злость, вместо этого он выглядит задумчивым.

- Послушай, - мягко говорю я, не желая уничтожить эту возможность, прежде чем начну, - если ты не хочешь остановить Джокера ради людей, которых он убил, то как насчет остальных его жертв? А как насчет тех, кому пришлось жить и смириться с тем, что он с ними сделал?

Линчеватель качает головой.

- Не могли же они все оказаться такими, как ты.

- Их было бы достаточно, - я хмуро смотрю на Джокера, который все это время милосердно молчал. - Такие монстры, как он, создают еще больше монстров.

Морган, как и все психопаты, хорошо умеет симулировать эмоции. До сих пор он был убедителен, хотя эта иллюзия была разрушена в течение нескольких минут вместе с предметным стеклом микроскопа. Теперь это выглядит более правдоподобно, чем когда-либо, когда он смотрит на Джокера. Учитывая его историю, вполне возможно, что его очевидная ненависть к Джокеру реальна.

Но то, что он сказал о том, что Джокер создает еще больше монстров, беспокоит меня. Понимает ли он, на что намекает?

- А как насчет тебя? - спрашиваю я, гадая, думал ли он об этих коннотациях.

- Я? - повторяет он, слегка улыбаясь. - Монстры вроде меня предпочитают, чтобы их не замечали.

По крайней мере, он не питает никаких иллюзий относительно себя.

- Даже если все это правда, - начинаю я.

- Правда, - перебивает Морган.

- Даже если ты имеешь в виду каждое слово, - продолжаю я более конкретно, - это еще не значит, что Джокер заслуживает смерти.

- Он также не заслуживает жизни, - без колебаний отвечает Морган.

Джокер, который до сих пор молчал, хотя и беззвучно трясся от веселья, видимо, больше не выдерживает и внезапно раздражается приступами безумного смеха.

- Гениально! - восклицает он в перерывах между хохотом. - Не могу сказать, что когда-либо думал об этом в таком ключе!

- В каком ключе? - угрожающе рычит Бэтмэн.

- Как сказал тот человек, - Джокер пытается указать на меня подбородком, но терпит неудачу, - о том, что я «делаю монстров».

-И что дальше? - спрашиваю я тоном, похожим на тот, которым только что воспользовался Бэтмен.

Джокер немного сдерживает смех, чтобы говорить более свободно.

- Как я уже сказал, - начинает он, - я никогда об этом не думал. Все это время я думал, что весь хаос, который я могу причинить, должен быть непосредственно вызван вашим покорным слугой.

Еще одно тихое хихиканье вырывается, но Джокер быстро приходит в себя.

- Но таким образом я причиняю вред косвенно, связываясь с маленькими детьми, - он замолкает, размышляя. - Это, конечно, при условии, что они станут свидетелями хаоса, который я непосредственно устрою, и выживут. Мне придется ввести новую политику - брать с собой на прогулку каких-нибудь сопляков, а потом выпускать их обратно в дикую природу.

С этим последним утверждением Джокер снова начинает истерически смеяться. Я сжимаю кулаки.

- Я не позволю тебе сделать это, - говорю я ему.

- Вообще-то, судя по твоему рассказу, мне даже не нужно заходить так далеко, - продолжает он, игнорируя меня. - Я могу просто найти несколько случайных семей и убить родителей прямо на глазах...

Джокер замолкает, когда я наотмашь бью его по лицу с такой силой, что его голова отрывается от удерживающей его пластиковой обертки. Из пореза, который я сделала на его щеке, брызжет кровь.

Слишком поздно я вспоминаю, что пытаюсь отговорить Бэтмена тащить меня в полицию. Такой сильный порыв был последним, что я хотел, чтобы он увидел. Я с опаской перевожу взгляд с Джокера на Бэтмена.

Замечание Моргана о том ущербе, который нанесла ему травма, только навело Джокера на мысли. Джокер совершал непростительные поступки, но я никогда раньше не испытывал к нему такого отвращения.

Очевидно, Морган чувствует то же самое, что и я. Прежде чем я успеваю отреагировать на слова Джокера, его рука вырывается, ударяя Джокера достаточно сильно, чтобы звук почти эхом отразился от стен. Его ярость очевидна в его глазах, но все это тает в страхе, когда он смотрит на меня.

Он не хотел, чтобы я видел его с этой стороны прямо сейчас. Этот взгляд говорит мне, что каждое его слово, жест и выражение лица до этого момента были тщательно подобраны, изготовлены под меня, и теперь он уверен, что вся эта работа рухнула из-за одной небрежной ошибки.

Этот взгляд также говорит мне, что его ярость неподдельна. Все остальные эмоции, которые он мне показывал, скорее всего, были фальшивыми, и я никогда не узнаю правду в любом случае, но его гнев на предложение Джокера реален и слишком понятен.

- Ты сказал, что Джокер не заслуживает жизни, - констатирую я. - Полагаю, ты сказал бы то же самое обо всех, кого убил.

Морган колеблется.

- Да, - наконец говорит он, настороженно глядя на меня.

- Как ты это решил?

Раньше я держал Бэтмена в обороне, расспрашивая его о его жестком кодексе. Теперь он изменил направление, и я не знаю почему. Что я знаю точно, так это то, что продолжение этого разговора, по крайней мере, дает мне больше времени, чтобы обдумать план побега.

- Так же, как и Джокер, - честно отвечаю я.

- Я узнаю, не убили ли они кого-нибудь. Кто-то, кто не заслуживал смерти, - поспешно добавляю я. Я не могу допустить, чтобы Бэтмен думал, что я пойду за копами, которые были вовлечены в перестрелку или что-то в этом роде.

- А если ты ошибёшься? - Бэтмэн спрашивает, его глаза сужаются.

- Я не ошибаюсь.

- В самом деле? - спрашивает Бэтмен, хотя это сказано скорее как утверждение, чем как вопрос.

- Я проверяю.

Я не знаю, что делать с Морганом.

Он явно психопат, и у него есть все признаки безжалостных убийц, которых я останавливал раньше, таких как Зас или даже Джокер. В то же время он изо всех сил старается не лишать невинных жизней.

Когда он говорил о том, почему он это делает, он формулировал это в терминах личностной черты, а не выбора. Джокер, без сомнения, был прав, когда сказал, что Морган наслаждается этим, но его желание убивать похоже скорее на принуждение, чем на эгоистичное желание, как у Джокера.

Лучший вывод, который я могу сделать о Моргане, заключается в том, что, даже если он не хочет останавливать себя, он нашел способ потакать своим темным импульсам таким образом, чтобы, по его мнению, положить конец страданиям других. Он не обуздал свои склонности к убийству, но тщательно использовал их как инструмент для своего собственного извращенного определения справедливости.

Я взвешиваю свои варианты и, наконец, принимаю решение. Каковы бы ни были его намерения, его действия неправильны и должны быть остановлены.

Долгое время после моего ответа никто из нас не двигается. Бэтмэн пристально смотрит на меня, оценивая.

Я ни за что не смогу отговорить его арестовать меня. У него есть свой кодекс, которому он будет следовать так же строго, как я своему. Но я не могу победить его в бою, со всем его

снаряжением и бронежилетами. Я лезу в свой разум так далеко, как только могу, в поисках любого ответа, но лучшее, что я могу придумать, - это сдаться, и, похоже, у меня кончилось время.

Однако я все еще отказываюсь признать, что это так. Я думаю о том, что он сказал, как он действовал и отреагировал, надеясь, что я что-то упустил, какой-то ключ, который вытащит меня отсюда. Я продолжаю возвращаться к его сильной реакции на мою честность относительно моих прошлых травм. Что-то задело его за живое.

Может быть, кто-то из его близких был убит. Может быть, он даже был там, чтобы увидеть это. Может быть, у него есть похожая история.

Или, может быть, все это просто способ выдать желаемое за действительное.

Я даже не знаю, как это помогло бы мне, если бы у него было такое прошлое, как у меня. Ключ к прошлому Бэтмена мог бы помочь мне узнать, кто он такой, если бы я был где-нибудь еще и имел время провести кое-какие исследования. Как бы то ни было, у меня нет доступа к достаточной информации о прошлых преступлениях в Готэме, которая могла бы повлиять на, кем бы он ни был, молодого Бэтмена. Единственное преступление, о котором я слышал, - это убийство Томаса и Марты Уэйн на глазах у двенадцатилетнего Брюса Уэйна.

Внезапно я вспоминаю выступление Уэйна в новостях, как он, казалось, что-то скрывал. Я также понимаю, что, будучи миллиардером, Бэтмен мог бы позволить себе все свое снаряжение в стиле летучих мышей.

Конечно, я до сих пор не знаю наверняка. Это рискованно, мой последний шанс.

- Я не могу позволить тебе сделать это, - говорит Бэтмэн, приближаясь ко мне.

- Если ты этого не сделаешь, - начинаю я, стоя на своем, несмотря на отчаяние, - я расскажу всем, что ты Брюс Уэйн.

Бэтмэн не вздрагивает.

Я не реагирую. Я не могу позволить Моргану узнать, что у него есть козырь.

У него нет никаких доказательств. Если бы кто-то подобрался так близко, он бы уже давно был бы на моем радаре. Скорее всего, он понял, что мне нужен огромный бюджет, и что Брюс Уэйн - один из немногих людей в Готэме, достаточно богатых, чтобы финансировать меня, и достаточно молодых, чтобы быть мной. Если я не подам никаких признаков того, что он прав, то смогут убедить отказаться от этого предположения. Все, что мне нужно сделать, это вести себя так, как если бы я не был Брюсом Уэйном, - я должен вести себя так, как будто эта угроза - самая нелепая вещь, которую я когда-либо слышал.

Удивительно, но Джокер на самом деле полезен в кои-то веки, когда он растворяется в приступах истерического смеха.

- Ты, - пытается начать он между взрывами веселья, но терпит неудачу. Через секунду он пытается снова.

- Неужели ты думаешь, - слова Джокера снова прерываются хихиканьем, - что этот

избалованный мальчишка Уэйн...

Услышав мое имя, Джокер полностью теряет контроль, и его смех снова наполняет комнату.

- Я не Брюс Уэйн, - спокойно заявляю я сквозь смех Джокера.

Морган по-прежнему не вздрагивает. Я снова говорю себе, что у него не может быть никаких доказательств, но если у него их нет, то ему удивительно повезло, что он просто случайно угадал правильно.

Несколько минут назад я бы сказал, что взять Джокера в заложники было самым отчаянным поступком в моей жизни. Оказывается, я побил этот рекорд впечатляюще быстро.

Я основываю свое предположение о личности Бэтмена на нескольких случайных совпадениях. Шансы на то, что я прав, астрономически невелики, но если я проявлю хоть малейший намек на неуверенность, мои шансы выбраться отсюда равны нулю. Независимо от того, прав я или нет, мой единственный выбор - вести себя так, как будто я уверен.

Бэтмен даже не колебался, но опять же, если бы кто-то вдруг обвинил меня в том, что я серийный убийца, я бы тоже не стал.

- Если это правда, - отвечаю я, когда Бэтмэн останавливается в нескольких дюймах от меня, - тогда у тебя не будет никаких проблем с тем, что я расскажу это всем, кто будет слушать.

Не то чтобы у меня была причина привлекать к себе внимание, разговаривая с прессой, если только я не сидел в тюрьме.

Бэтмэн не двигается, и я тоже. Я прекрасно понимаю, что, отступив хотя бы на дюйм, он поймет, что на самом деле у меня нет никаких доказательств. Без этого вряд ли кто-нибудь поверит мне при любых обстоятельствах, особенно когда даже я не уверен, верю ли я сам себе.

Я смотрю на Моргана, ища хоть что-нибудь, что скажет мне, действительно ли он знает или просто хватается за соломинку, когда понимаю, что это не имеет значения.

Более беспринципные репортеры в Готэме будут цепляться даже за слова наименее надежного источника, если они думают, что это даст им такую историю, как личность Бэтмена. Не имеет значения, есть ли у Моргана доказательства, потому что самые цепкие из бульварных писателей не остановятся, пока не найдут их. Если бы я думал, что они их не найдут, я бы в мгновение ока назвал слова Моргана блефом, но все, что нужно, - это кто-то, кто знает, что искать, копаясь в финансах Уэйна Энтерпрайза, или выясняя, как деятельность Бэтмена соотносится с публичными выступлениями Брюса Уэйна, или любым другим маршрутом.

Моргану нечего терять, если он окажется в тюрьме. Постоянное утверждение, что он знает, кто я такая, не имело бы для него никаких последствий, даже если бы он ошибался. Но его слова не только отгородят меня от защиты Готэма, но и остановят всех, кто имеет ко мне личное отношение. Найтвинг, Робин, может быть, даже Оракул.

Я не уверен, стоит ли отпустить одного человека ради того, чтобы в будущем останавливать еще больше. Я не знаю, должны ли мои потенциальные будущие действия иметь большее

значение, чем мои принципы, или я просто эгоистичен.

- Блин, может, вы уже просто поцелуетесь? - говорит Джокер, нарушая долгое молчание, а также пристальный взгляд, когда мы с Бэтменом поворачиваемся, чтобы посмотреть на него.

- Если бы ты убил Джокера, - говорит Бэтмен, все еще глядя на него, - ты бы не оставил следов.

Мне требуется мгновение, чтобы понять, что это был вопрос.

- Нет, - отвечаю я после секундного колебания.

Бэтмен кивает. Его плащ развеивается вокруг него, когда он поворачивается и направляется к двери. В дверях он оглядывается на меня через плечо.

- Как только ты закончишь здесь, покинь Готэм-Сити, - угрожающе рычит он. - Если ты убьешь еще кого-нибудь до того, как выйдешь отсюда, или если когда-нибудь снова вернешься в мой город, я выслежу тебя.

С этими словами он выходит за дверь и идет по коридору, ни разу не оглянувшись.

У меня отвисает челюсть. Мой выстрел в темноте был, несмотря ни на что, верным.

- Ну, это разочаровывает, - жалуется Джокер.

- Ты ведь не надеялся на спасение? - я насмехаюсь над ним.

- Не это, - отвечает он с усмешкой.

- Я говорю о том, что Бэтс - это Брюс Уэйн, - он вздыхает, закатывая глаза. - Все это время моим заклятым врагом был этот жеманный богатый маленький придурок. Как унижительно. Я имею в виду, просто убей меня сейчас, о'кей?

Сардонический взгляд, который бросает на меня Джокер, говорит мне, что он знает, что подставляет меня для кульминации.

- Если ты настаиваешь, - соглашаюсь я.

Боковая дверь почти закрывается за мной, прежде чем я слышу, как внутри завывает пила. По крайней мере, у Моргана хватило совести дожждаться моего ухода.

На мгновение снаружи я останавливаюсь и почти возвращаюсь внутрь, чтобы остановить зверство, которое, как я знаю, происходит. Я борюсь с импульсом остановить неминуемую смерть Джокера, даже когда напоминаю себе, скольких еще он убьет, если я спасу его.

Я ненавижу себя за то, что не остановил это, но в то же время я ненавижу себя за каждую смерть, которую мне не удалось остановить за эти годы. И как бы мне ни было неприятно это признавать, в одном Морган прав. Джокер не перестанет убивать, пока не умрет.

Я и раньше делал трудный выбор, выбор, когда мне приходилось выбирать между спасением нескольких человек и спасением сотен. Если подумать, то большинство из этих вариантов были

даны мне Джокером. Я стараюсь думать об этом как об одном из таких вариантов.

Я качаю головой и нажимаю кнопку на запястье, открывая линию связи с Оракулом.

- Брюс, - приветствует меня Оракул, удивленная, что я звоню ей так скоро после прибытия в убежище Джокера, - ты что-нибудь нашел?

Секунду я колеблюсь, моя совесть кричит, чтобы я рассказал ей все.

-Брюс? Ты здесь? - спрашивает она, когда я не отвечаю.

- Я здесь, - заставляю я себя сказать. - Я ничего не нашел.

- На самом деле я не удивлена, - отвечает Оракул. - Я сомневалась, что Джокер включал телефон в каком-то важном месте.

- Нет, если только он не думал, что кто-нибудь найдет его, пока не стало слишком поздно, - замечаю я.

- Верно, - признает Оракул. - Сейчас это не имеет значения. Каков твой следующий шаг?

Я бросаю еще один взгляд на дверь позади меня, прежде чем заставляю себя уйти.

- Я возвращаюсь в пещеру, чтобы просмотреть улики. Может быть, я найду новую зацепку.

Ну, думаю, на этом все и заканчивается. Я имею в виду, что не похоже, чтобы мы забыли что-то очень важное...

<http://tl.rulate.ru/book/70912/2044419>